

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ

ЧУВСТВ

ИРИНА ГРИН

НАРУШЕННАЯ
ЗАПОВЕДЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Оформление серии *С. Курбатова*

Грин, Ирина.
Г85 **Нарушенная заповедь / Ирина Грин. —**
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. —
(Переплетение чувств).

ISBN 978-5-699-96681-3

Во время экстремального лыжного похода Асе пришлось заночевать в странном доме. Экономка сказала, что ни одна женщина, оставшаяся тут на ночлег, не проживет и трех лет. Девушка не поверила в пророчество, но, когда этот срок вышел, на нее обрушились несчастья...

Крестину уволили с работы и обвинили в похищении сына начальника! И это в то время, когда она попала в больницу со сломанной ногой...

Ася и Кристина оказались соседками по палате и выяснили, что источник их бед — в том самом зловещем полуразрушенном доме, давно оставшемся без хозяев. Чтобы любовно обжитой дом превратился в беспощадного убийцу и начал уничтожать своих счастливых обитателей, должно было сойтись немало совершенно разных причин: одиночество, равнодушие, ревность, зависть и даже большая любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Грин И., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-96681-3

ООО «Издательство «Э», 2017

Ася остановилась, воткнула лыжные палки в снег и попыталась оттянуть рукав куртки, чтобы посмотреть на часы. Напрасный труд — перчатка задубела на морозе и не хотела гнуться. Поискала глазами солнце. Вон оно — белое, едва заметное на таком же белом небосводе, уже почти касается веток деревьев. Еще немного, и короткий зимний день перетечет в ночь. И тогда станет еще тяжелее. Правда, есть фонарики, но вряд ли Стас согласится ими воспользоваться — свет может выдать их местонахождение тому, кто идет по пятам. Или не идет? Ася обернулась, поглядела по сторонам. Кроме Стаса, чья спина маячит довольно далеко впереди, — никого. И почему она согласилась на эту авантюру? Ведь сразу поняла, что это не для нее! Сорок километров! Если посчитать дорогу на работу и обратно и прибавить походы по магазинам, столько она проходит за неделю.

Не останавливаясь, Стас оглянулся, недовольно махнул рукой, и Ася, сунув руки в петли палок, пустилась вдогонку.

— Ну ты чего? — спросил Стас, когда Ася с ним поравнялась. — Привала еще никто не объявлял. Сейчас спустимся, — он указал палкой на довольно крутой склон, — дальше будет распадок. Там накатанное ме-

сто — можно и в темноте топтать. Пройдем его, и останется всего ничего — километров тридцать.

— Как тридцать? — Асин голос предательски дрогнул. — А сколько мы уже прошли?

— Какая разница? И не вздумай реветь! — возмутился Стас, но навигатор достал и, шевеля губами, стал подсчитывать: — Восемнадцать километров за три с половиной часа. Очень даже неплохо. Но расслабляться рано.

— Значит, осталось двадцать два километра? — пытаюсь справиться с отчаянием, спросила Ася.

— Да нет же, нет! — Стас поморщился от такой беспросветной бестолковости спутницы. — Я же сказал, после того как мы пройдем распадок, останется тридцать километров, вернее, двадцать девять с чем-то.

— Но ты же говорил...

— У нас на хвосте специально обученные люди. Они ждут, что мы пойдем по самой короткой дороге. А мы, вопреки их ожиданиям, сделали крюк, и теперь у нас гораздо больше шансов уйти от преследования. Неужели это непонятно? — он уже почти кричал, и от этого крика, эхом разносящегося по притихшему сосняку, у Аси разболелась голова.

— Если бы ты заранее сказал...

— И что тогда? Что бы изменилось?

— Я не знаю... Голова болит... Сильно...

— Это от избытка свежего воздуха, — он уже взял себя в руки и даже попытался изобразить подобие сочувствия. — Ничего, еще часик — и устроим привал. Давай соберись! Я пойду не слишком быстро, а ты — за мной, делай, как я. — И Стас двинулся вниз по склону.

Спускаться по глубокому снегу было непросто, и скоро у Аси заныли лодыжки. Зато, сконцентрировавшись на том, чтобы не упасть, она забыла о головной боли.

Ночь застала их в распадке, на узкой тропе, зажатой между двумя холмами, поросшими карабкающими

мися вверх соснами. Сначала в темноте растворились верхушки деревьев, а вскоре стало вообще ничего не видно, кроме эмблемы фирмы-производителя из светоотражающего материала на спине у Стаса — буквы «М» в тройном кольце.

«Как мишень», — сказал он, впервые примеряя костюм, но в целом снаряжением остался доволен. Костюмы и правда были замечательные. Легкие, практически невесомые, они защищали от холода и ветра. Производители гарантировали, что в них можно ночевать на снегу при температуре до тридцати градусов ниже нуля. И хотя Стас обещал, что спать под открытым небом они не будут, Ася уже успела убедиться, что безоглядно верить его словам не стоит.

Буква «М» впереди застыла. «Неужели привал?» — подумала Ася, чувствуя, что еще немного, и она усядется прямо на снег, причем так основательно, что сдвинуть ее с места сможет разве что бульдозер.

— Есть два варианта: устроиться на ночлег прямо здесь, — сказал Стас, — или добраться-таки до деревни. Тут совсем недалеко, не больше пары километров.

— Здесь, здесь! — энергично закивала Ася, и откуда только силы взялись.

— Здесь, здесь! — передразнил ее Стас. — Здесь придется грызть галеты из армейского пайка с чаем, не факт, что горячим. А в деревне может перепасть что-нибудь повкуснее. И спать у растопленной печки лучше, чем на снегу, пусть даже в фирменных костюмах. Синоптики, конечно, обещали, что температура ниже тридцати не опустится, но сама знаешь — они никакой ответственности за свои прогнозы не несут.

Асе абсолютно не хотелось есть. И к теплой печке не хотелось. Из всех желаний осталось только одно: упасть в сугроб, свернуться калачиком и уснуть. А еще лучше — предварительно отстегнуть голову, чтобы хоть ненадолго избавиться от вновь давшей о себе знать го-

ловной боли. Но Стас, похоже, твердо решил устроиться на ночлег в деревне и вникать в Асины желания не собирался.

— Пошли! — скомандовал он тоном, пресекающим любые попытки возражения.

«Пара километров — это примерно три тысячи шагов, — прикинула Ася, — то есть семьсот пятьдесят раз по четыре шага». Она машинально стала считать шаги: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре. Как в школе на физкультуре, единственному предмету, по которому у нее всегда была тройка. Перед самым выпуском физрук Борис Васильевич пожалел неспортивную отличницу и пообещал закрыть глаза и нарисовать четверку, если Ася пробежит кросс. Всего один километр. Не на время, главное — благополучно добраться до конца дистанции. Ася морально готовилась к испытанию несколько дней и теоретически готова была пробежать не один километр, а марафонскую дистанцию — 40 с лишним. «Подумаешь, — уговаривала она себя, — всего четыре круга!» Но к концу второго круга закололо в боку, к концу третьего потемнело в глазах. До финиша она добралась, опираясь на плечо Стаса, который вместе с Ритой пришел поддержать одноклассницу. Рита! Это для нее предназначался Асин костюм с фосфоресцирующей буквой «М» на спине...

Тропа сделала поворот, огибая раскидистый дуб, и впереди путеводными звездами замерцали огни деревни. Ася вдруг почувствовала прилив сил; очевидно, что-то подобное испытывает до предела измотанная дальней дорогой лошадь, почувствовав запах родного стойла. Ноги задвигались быстрее. Раз-два-три-четыре, раз-два... Боковым зрением она заметила справа огонек. Что это? Неужели их догнали? Неужели расчеты подвели Стаса и весь этот бесконечный мучительный путь оказался напрасным? Ася остановилась и неуклюже поправила перчаткой выбившиеся из-под шапочки во-

лосы. Свет мелькнул снова, и она успокоилась: он был слабым, теплым и живым, не похожим на мертвенный свет галогенных фонарей, которыми наверняка оснащены их преследователи.

— Стас! — окликнула она спутника. — Там, кажется, был свет!

Стас остановился, воткнул палки в снег.

— Кажется или был? Ась, давай, поднажми, немного осталось!

И в этот момент огонек мелькнул снова, и Ася явно увидела совсем недалеко, метрах в тридцати, дом. Довольно высокий, он был полностью погружен в темноту, лишь в самом низу мелькал огонек, будто кто-то ходил по комнатам со свечой или керосиновой лампой. Свет завораживал, манил, обещая тепло и уют, но одновременно пугал. Кем мог быть хозяин дома, стоящего на отшибе, особняком от остального жилья? Во всяком случае, общительность и человеколюбие явно не относились к его характерным чертам. Интересно, что бы сказал Стас, услышав ее мысли? Они с Ритой всегда смеются над этой Асиной способностью придумать целую историю на пустом месте, называют фантазеркой. Стас не такой. Вот и сейчас он не стал тратить время на пустые разговоры, а решительно направился к дому.

Луч фонарика скользнул по затейливой резьбе, небольшому зарешеченному оконцу, напомнившего Асе проем в калитке монастыря из старого фильма, и остановился на кнопке вполне современного звонка. Рука Стаса потянулась к кнопке, и Асю вдруг охватило непреодолимое желание одернуть его — от двери веяло холодом враждебности, по сравнению с которым усилившийся к ночи мороз казался детской забавой. Но было поздно — Стас уже всюду давил на кнопку, и Ася, сжавшись от страха, вслушивалась в нервные трели, взрывающие тишину странного дома.

Дверь распахнулась, будто изнутри ее с силой толкнули. На пороге стояла женщина в глухом черном платье. Высокая, абсолютно седые волосы туго стянуты в пучок. Хозяйке (для себя Ася решила, что женщина с такой величавой осанкой и гордой посадкой головы не может оказаться никем, кроме хозяйки особняка) было не меньше семидесяти, но язык не поворачивался назвать ее старухой. Казалось, это средневековая герцогиня открыла дверь своего замка, чтобы дать приют усталым путникам. Усиливали сходство массивные серебряные серьги с черными камнями, ажурный крест на груди и самая настоящая жирандоль с пятью свечами, которую женщина подняла, чтобы получше рассмотреть лица непрошенных гостей. При этом хрусталики, щедро украшающие светильник, тихо зазвенели и рассыпали по стенам блики, а в серьгах хозяйки вспыхнули и тут же погасли темно-малиновые звезды.

— Здравствуйте, — Стас, всю самоуверенность которого как ветром сдуло, изобразил что-то похожее на поклон и застыл в ожидании ответа.

Однако хозяйка продолжала хранить молчание, и Стас, уже слегка пришедший в себя, продолжил:

— Помогите, пожалуйста. Мы с женой, — он кивнул на Асю, — заблудились. Не разрешите ли вы переночевать в вашем доме?

«Зачем он соврал, что я его жена?» — промелькнуло в голове у Аси. Она не сводила глаз с бесстрастного лица хозяйки и уловила, что при слове «жена» ее тонкие губы слегка изогнулись в саркастической усмешке.

— Мы хотели попроситься на ночлег в деревне, — продолжил Стас, не дождавшись ответа, — но супруга очень устала и не может идти дальше. Вы же не допустите, чтобы мы замерзли на пороге вашего дома?

Стас в критический момент умел выглядеть очень убедительным, и сейчас был именно такой момент, но женщина продолжала безмолвствовать.

— Вы слышите меня? — он слегка повысил голос.

Хозяйка поморщилась:

— Слышу. Но считаю, что вам, молодой человек, и в особенности вашей так называемой жене лучше все-таки дойти до поселка. На лыжах тут не больше двадцати минут ходу, не успеете замерзнуть.

И она предприняла попытку закрыть дверь. Но не таким человеком был Стас, чтобы его удалось вот так запросто отшить. Он ухватился за дверную ручку и вкрадчивым голосом проговорил:

— Я понимаю ваше недовольство. Еще бы: являются среди ночи непонятно кто, нарушают покой, требуют к себе внимания. На самом деле нам достаточно уголка в прихожей. У нас есть спальники, мы приляжем тут, прямо под дверью, а с рассветом покинем ваше жилище.

— Это не мое жилище, я тут такой же гость, как и вы, — возразила женщина. — Сразу видно, что вы издалека и ничего не слышали об этом доме. В противном случае вы бы ни за что не захотели оставаться под его крышей даже на час, не то что на всю ночь.

— Да, мы чужие в этих местах, — Стас склонил голову, делая вид, что он сильно удручен этим обстоятельством. — Иначе не попали бы в подобную передрыгу. Но я уверен, что вы не чужды христианского милосердия и не позволите нам замерзнуть на пороге.

Ася никогда не слышала, чтобы Стас выражался подобным образом, но, похоже, ему удалось расположить к себе хозяйку.

— Хорошо, — немного помедлив, согласилась она, — я пушу вас переночевать в холле. За последствия не отвечаю. Только лыжи оставьте, пожалуйста, снаружи.

И она на шаг отступила, впуская гостей в дом. Холл, в котором им был обещан ночлег, начинался сразу от входной двери и был неприветливым и холодным. Осмотревшись, Ася обнаружила большой камин. С двух сторон от него возвышались канделябры в человече-

ский рост. Легкой походкой, словно она не переступала ногами, а летела над полом, хозяйка (несмотря на ее заверения в обратном, Ася мысленно продолжала именовать ее так) скользнула к канделябрам и зажгла свечи.

Стало чуть-чуть уютнее, но ненадолго — уж очень грустный запах стоял в холле. Запах одиночества, заброшенности. Так пахнет в домах, где долгое время никто не живет.

Хозяйка тем временем скользнула к двери, ведущей в глубь дома. Откуда-то в ее руке появилась довольно увесистая связка ключей. Звякнул металл, проскрежеotal замок, отрезая вход в остальные комнаты.

— Ну, все, — заявила женщина. — Я ухожу. У вас еще есть время передумать. Я бы не советовала тебе, — взгляд ее глаз был устремлен на Асю, — ночевать здесь.

— Но п-почему? — впервые за время, что они находились в доме, вымолвила Ася.

— Старожилы этих мест говорят, что дом проклят. Ни одна женщина, которая провела хотя бы одну ночь под его кровом, не прожила после этого больше трех лет.

— Но п-почему? — снова промямлила Ася, позабывшая все слова русского языка, кроме этих двух.

Вопрос остался без ответа, — как была, в одном платье, с жирандолью в руке, женщина толкнула входную дверь и исчезла. Еще несколько мгновений с улицы доносился звон хрусталя, а потом все стихло.

— И долго будешь столбом стоять? — вывел Асю из состояния ступора раздраженный голос Стаса. — Давай стелиться. Похоже, кормить и согреть нас никто не собирается, будем довольствоваться тем, что есть.

Он стащил перчатки, сбросил рюкзак, пощупал стены, пошелкал пальцами по латунной дровнице с аккуратно сложенными поленьями, присел на корточки и заглянул под забрало рыцарю, гордо держащему в руках кочергу. Подошел к декоративному резному панно на стене напротив камина и восхищенно поцокал языком.

— Ась, глянь, красота какая!

Панно и вправду было очень красивым. На причудливо изогнутых ветвях, среди листьев, вырезанных так искусно, что была отчетливо видна каждая прожилка, прохаживались птицы. Клювы их были открыты, тонкие горлышки вытянуты и напряжены. Создавалось впечатление, что птицы живые и только из-за какого-то досадного недоразумения холл не наполняют их звонкие голоса. Ася прикоснулась к дереву, и иллюзия жизни растаяла. Оно было холодным и мертвым. Откуда-то из переплетения ветвей тянуло сквозняком. Она отдернула руку, а тем временем Стас, обладающий более грубой душевной организацией, обследовал пальцами край панно.

— Эта штукавина тут неспроста, — заметил он, и тут же, подтверждая его слова, внутри стены что-то щелкнуло. Резное украшение оказалось не чем иным, как дверью. — Я же говорил!

— Стас, что ты делаешь?! — вскрикнула Ася, возмущенная таким бесцеремонным посягательством на чужое добро.

— Да это шкаф! — сказал Стас, открывая дверь. — Пустой. Ни одного скелета! А ты боялась.

Шкаф, задняя стенка которого представляла собой старое запыленное зеркало, действительно был пуст.

Стас нажал на дверь, и она с тихим щелчком стала на место. Оглядевшись по сторонам в поисках места для отдыха, он направился к небольшой оттоманке, которая вместе с очагом, канделябрами, рыцарем, дремавшей в углу вешалкой с ветвистыми рогами и маленьким столиком для сумок и корреспонденции составляла все убранство прихожей.

— М-да, диванчик подкачал, — сказал Стас, пощупав обивку, — даже не знаю, как лучше — на нем или на полу.

Ася подошла поближе, коснулась пальцами ткани. Это был бархат необычно глубокого ультрамаринового оттенка, отсыревший и кое-где взявшийся пятнами плесени.

— Пожалуй, лучше на полу, — согласилась она.

Для ночевки на снегу у них в арсенале имелись легкие, практически невесомые спальники. Через мгновение Стас уже расстелил оба спальника, пододвинул столик, смахнув рукавом пыль, положил на столешницу пачку галет, поставил термос с чаем и две пластиковые кружки. Затем стащил ботинки, уселся, вытянув ноги, и застонал от удовольствия.

— Здорово-то как, Аська! Всего-то лыжи снял, а ощущение... — Он замолчал, подбирая слова, но, очевидно, приходящие на ум выражения были слишком слабы, чтобы передать состояние охватившего его восторга, поэтому он предпочел оставить слова при себе.

— Садись! — Стас приглашающе похлопал по спальнику. — Сейчас мы с тобой врежем по чайку! Врежем?

Молчание спутницы волновало Стаса. Не хотелось ему связываться с ней, ведь знал, что из всех знакомых баб Аська — самая неподходящая кандидатура. Мало того, что доходяга, так еще и мнительная до безобразия. Как что в башку взбредет или кто скажет что не то — считай, всё пропало. Вот как сейчас эта бабка с ее бреднями. Теперь будет всю ночь себя накручивать, и какой после этого с нее ходок? И так отстают от графика. А все Ритка! Асю возьмем, Асю! Вот и взяли. На фига, спрашивается? А ведь когда-то он был в нее влюблен. С третьего класса их дразнили женихом и невестой. И мать подливала масла в огонь. Асечка то, да Асечка се, цветочек экзотический. Ага, цветочек! Агава бледно-зеленая, — Стас вспомнил любимый Асин цветок. Вот Марго — на самом деле цветок. Редкостный. Из тех, что питаются доверчивыми мошками, прельщенными их красотой. Со Стасом они — одного поля ягоды, а Ася...

Она продолжала стоять, будто статуя в греческом зале. Что бы такое сделать, чтобы она немного расслабилась? Способа у Стаса было всего два. Первый — накатить по соточке. Но сейчас это невозможно — спиртного он с собой не взял и теперь пожалел об этом. Придется воспользоваться вторым, благо для этого, как говорится, все под рукой.

Стас встал, подошел к своей спутнице и, приобняв ее за талию, осторожно усадил на спальник.

— Чаю? — улыбнулся он одной из самых обворожительных своих улыбок, устраиваясь рядом.

Она сосредоточенно кивнула и спросила:

— Как думаешь, это правда, насчет проклятия?

— Дурочка ты моя сентиментальная! — Стас обнял Асю, притянул к себе.

— Думаешь, она нас пугала? Но зачем?

Договорить она не смогла, губы Стаса прижались к ее губам, его рука скользнула ей за пазуху.

На мгновенье Ася застыла, не веря в происходящее, а потом попыталась оттолкнуть Стаса. Чувствуя сопротивление, он отбросил все свои учтивые манеры. Движения стали грубыми, руки, стягивающие комбинезон, казалось, сдирали кожу. Ася почувствовала, что задыхается. Извиваясь всем телом, она сумела высвободить одну руку. И вцепилась Стасу в волосы, пытаясь оттащить от себя.

— Дура, больно! — взвыл он.

Приток кислорода и радость от маленькой, но все-таки победы прибавили Асе сил, и, схватив первое, что попало под руку, она изо всех сил ударила ухажера по голове. Раздался оглушительный хруст. «Боже, я проломила ему череп!» — с ужасом подумала Ася и зажмурилась.

— Чокнутая ты все-таки, Аська! — донесся до нее возмущенный голос Стаса. — Ты ведь когда-то этого хотела. Признайся! Хотела?